

О благих намерениях.

Явное углубление хозяйственного кризиса в последние месяцы предопределило критическое отношение к работе органов, ответственных за управление экономикой, на всех крупных политических форумах последнего времени. Не стал исключением и XXVIII съезд КПСС. Проводимую экономическую политику критиковали с самых разных сторон, но почти всегда жестко. Думаю, именно теперь пришло время спокойно, отбросив застилающие суть дела эмоции, разобраться в том, где же были допущены наиболее серьезные просчеты, в чем причины нынешнего экономического кризиса, какие меры надо принять, чтобы выйти из него.

С середины лета 1988 года, когда прогрессирующий финансовый кризис уже привел к глубокому расстройству потребительского рынка, в разделах политических документов, посвященных экономике, все более явно начинает чувствоваться, что те, кто ответствен за принятие решений, пытаются разобраться, понять, что же не так в народном хозяйстве, почему хорошо задуманные программы не дают быстрых позитивных результатов, почему исчезают ранее бывшие в достатке товары, растут очереди? Предполагаемые объяснения: нерасторопность, бездушное отношение к людям, происки злых сил, заинтересованных в сохранении дефицита, – не убеждали.

АХ, ЕСЛИ Б ДИРЕКТОРА НЕ ИЗУЧАЛИ ПОЛИТЭКОНОМИЮ...

Обилие цифр, которыми оперируют экономисты, рождает у непосвященных явно преувеличенные представления о возможностях количественного прогноза хозяйственных процессов. Когда слышишь, что на модели из сотен уравнений точно просчитаны последствия снижения нормы налогообложения прибыли предприятий или всеобщего размораживания цен, трудно оставаться серьезным. Ведь речь идет не о железках, а о сложнейших массовых социальных процессах, о поведении людей.

Именно потому, что в экономике любые четкие, количественные взаимосвязи выявить очень непросто, там, где это удастся сделать, к ним относятся с уважением. Одна из таких известных, экономически выверенных зависимостей связывает интенсивность инфляционных процессов с темпами увеличения денежной массы. Когда эти темпы резко ускоряются, далеко отрываются от роста объема производства, инфляция пробивает себе

дорогу и в рыночной, и в командной экономике. Там, где действует рынок, быстро ползут вверх цены, где команда – исчезают товары.

Все это было, и не раз. Если вспоминать нашу хозяйственную историю, пожалуй, самый яркий пример тому в мирное время – конец двадцатых – начало тридцатых годов. Резкий рост капитальных вложений и государственных расходов, экспансия де- нежной массы, демонтаж основных инструментов новой экономической политики, замена торговли карточным распределением, резкое увеличение цен коммерческой торговли и, наконец, общее многократное повышение государственных цен.

После того как с середины восьмидесятых годов печатный станок заработал на полную мощность, вспышка инфляции была предопределена. Если бы в такой ситуации товары остались на прилавках, это удивило бы экономистов не меньше, чем грубое нарушение законов термодинамики – физиков. Существенный и важный вопрос в другом: как удалось так быстро расстроить финансовую систему?

К середине восьмидесятых годов финансовое положение государства было относительно благополучным. Минфин, бессильный перед мощными отраслевыми группами давления, выбивавшими миллиарды на малоосмысленные инвестиционные проекты, еще удерживал контроль над ситуацией за счет экономии на социальной сфере, перераспределения средств предприятий, растущих доходов от внешнеэкономической деятельности. Дефицит бюджета, появившийся с начала семидесятых годов, не превышал двух процентов валового национального продукта. В безналичной сфере диспропорции накапливались, но выпуск денег в потребительский оборот жестко контролировался, темпы роста наличной денежной массы были стабильными и низкими.

Собственно, в этом легко можно было убедиться по прилавкам магазинов. Возникли серьезные проблемы с реализацией ковров, хрусталя, фарфора, отдельных марок легковых автомобилей. Товарные запасы в розничной торговле в 1981-1985 годах выросли на 30 миллиардов рублей. Пресса была полна гневными статьями: до каких пор промышленность будет работать на склад?

Тем не менее глубинные экономические проблемы обострялись. Главным было, конечно, не падение темпов экономического роста, а архаичность производственной структуры. Все сильнее отставали от мирового уровня металлургия, машиностроение, химия, легкая и пищевая промышленности. Нараставший износ производственной инфраструктуры грозил превратить суровую зиму в катастрофу.

С началом перестройки пришло новое поколение руководителей. Как правило, в недавнем прошлом они были сильными директорами крупных заводов. Намного моложе,

энергичнее предшественников. Уверенные в своей способности переломить негативные тенденции, ускорить хозяйственное развитие.

Думаю, если бы их никогда не учили экономике, было бы лучше. Возникло бы желание всерьез разобраться в непростых макроэкономических проблемах, посоветоваться со специалистами, ну не доверяешь своим – хоть с зарубежными. Но они в свое время проходили политэкономия социализма, сдавали экзамены. И, видимо, еще тогда, на студенческой скамье, как разумные люди поняли, что эта преподающаяся у нас под видом экономической теории премудрость не имеет прямого отношения к хозяйственным реалиям, которыми им предстоит заниматься.

Хорошо представляя себе серьезные производственные, технологические проблемы, с которыми сталкивается народное хозяйство, они знали и самое надежное средство их решения – наращивание капиталовложений. Так как благополучных отраслей, за счет которых можно было бы совершить структурный маневр, обнаружить не удалось – инвестиционный штурм по всему фронту.

Предполагалось поджаться, увеличить долю фонда накопления в национальном доходе, обновить производственный потенциал. На этой базе приступить к решению социальных проблем. Именно такая линия была заложена в план двенадцатой пятилетки.

Это довольно хорошо известная в мировой хозяйственной практике стратегия энергичных технократов. При благоприятном развитии события, эффективном использовании ресурсов она позволяет ускорить темпы экономического роста, но всегда опасна для государственных финансов. В наших условиях – опасна смертельно.

Ключевым условием успеха была способность быстро получить отдачу от дополнительных ресурсов, направляемых на развитие народного хозяйства. Но...

К началу двенадцатой пятилетки полная сметная стоимость начатого строительства в стране приблизилась к 700 миллиардам рублей, фактические сроки строительства более чем в два раза превышали нормативные. К тому, что крупные предприятия строятся десятилетиями, все давно привыкли. Нерешительные попытки сократить фронт строительства успеха не имели. В такой ситуации из всех красивых и справедливых слов о необходимости подъема машиностроения, сельского хозяйства или легкой промышленности получается только одно – новые котлованы, в лучшем случае – фундаменты.

С огромным трудом собранные ресурсы оказались тонким слоем размазаны по десяткам и сотням тысяч начатых строек. Стоимость незавершенного строительства возросла в полтора раза. Ничем не обеспеченные деньги через оплату труда строителей, рабочих, производящих для них материалы, технику, горючее, хлынули на

потребительский рынок. А ситуация там к этому времени и так резко осложнилась. Особенно рискованным инвестиционный рынок сделало его совпадение по времени с двумя процессами, находившимися, собственно, вне реального контроля правительства: падением цены нефти на мировом рынке и доходов от реализации алкоголя.

НЕВЕЗЕНИЕ ПЛЮС НЕУМЕНИЕ

Если ответственность за антиалкогольную кампанию по праву должны нести партийные органы, начавшие и вдохновенно проводившие ее в центре и на местах, пресекавшие любые попытки скорректировать курс, то падение доходов от нефти – это фатальное, историческое невезение политического руководства, пришедшего к управлению страной в 1985 году. При другой конъюнктуре на мировом рынке можно было позволить себе и большие ошибки в экономической политике. Когда же амортизаторы бесхозяйственности, ставшие привычными за десятилетие высоких цен на нефть, исчезли, все просчеты выявились рельефно.

Поступления от продажи нефти и нефтепродуктов из СССР в развитые капиталистические страны, составившие в 1984 году 13,6 миллиарда инвалютных рублей, в 1986 году упали до 5,5 миллиарда. Надо было сокращать импорт. Вопрос: за счет чего?

То, что значительная часть зарубежных закупок – бросовая, ни для кого секретом не является. Импортная техника на годы оседает в запасах неустановленного оборудования, вводится после истечения гарантийных сроков, используется с производительностью куда ниже проектной, просто растаскивается. Казалось, было бы естественным до наведения элементарного порядка в капитальном строительстве ограничить поставки инвестиционных ресурсов. Но разве легко пойти на это, когда только что была развернута масштабная программа обновления производственного аппарата, ведутся переговоры о закупках за рубежом необходимых для ее реализации ресурсов? Принимается решение: еще подтянуть пояса, резко сократить импорт промышленных товаров народного потребления. Временно обойдемся без западных тряпок и косметики, а когда инвестиции дадут отдачу – обеспечим своими. Импорт машин и оборудования из развитых капиталистических стран с 1985 по 1989 год увеличивается с 5,4 до 7 миллиардов инвалютных рублей, закупки промышленных товаров народного потребления снижаются в 3 раза (с 1,5 до 0,5 млрд р.).

На первый взгляд – естественное решение, продиктованное заботой о будущем страны. В действительности – серьезная ошибка с тяжелыми экономическими и социально-политическими последствиями.

Затраты на закупку промышленных товаров народного потребления на конвертируемую валюту и в период своего пика в 1985 году были настолько незначительными, что даже полный отказ от них никак не мог закрыть образовавшуюся брешь во внешнеторговом балансе. Но в силу резких отклонений внутренних и мировых цен роль этих товаров в формировании доходов бюджета была весомой. Избранный вариант ограничения импорта оказался наиболее тяжелым для государственных финансов, денежного обращения в то время, когда их болезнь вступила в критическую фазу. С 1985 по 1987 год чистые (за вычетом расходов) доходы бюджета от внешнеэкономической деятельности сократились на 21,3 млрд р., поставки импортных промышленных товаров народного потребления в торговлю – на 8,2 млрд р. В эти же годы дефицит государственного бюджета увеличился с 18 до 57,1 млрд р. Рост запасов в розничной торговле сменился их стремительным сокращением (на 10,7 млрд р.), сигнализирующим о резком ухудшении ситуации на потребительском рынке. Волна ажиотажного спроса стала лишь естественной реакцией на такое развитие событий.

Можно понять желание нового руководства страны, партии быстро и решительно порвать с поразившей все эшелоны власти традицией коллективных пьянок как формы делового общения, согласиться с тем, что доходы от реализации алкоголя, по крайней мере в России, здоровыми не назовешь. Но, принимая решение, приводящее к сокращению доходов бюджета на 10 миллиардов рублей в год (1986 год по сравнению с 1984-м), необходимо ответить на один простой вопрос: за счет чего будет закрыта эта финансовая брешь? Есть целый набор возможных вариантов: снижение расходов на централизованные капиталовложения, дотаций, оборонных расходов, изменение структуры импорта, увеличение в нем доли высокодоходных товарных групп. Дело политика – выбрать приемлемое для общества решение. Он не может позволить себе лишь одного – понадеяться на то, что все само собой образуется. Потому что так не бывает.

ЖИТЬ ПО-СТАРОМУ, ПОЛУЧАТЬ ПО-НОВОМУ

Характерная черта начала 1988 года – нарастающее рассогласование, разногласия в оценке экономического положения руководством, с одной стороны, и обществом – с другой. Политические документы этого периода еще звенят победной медью: удалось преодолеть застой в капитальном строительстве, ускорились темпы роста промышленного производства, после периода экспериментов экономическая реформа входит в практику хозяйствования. Перевод предприятий на полный хозрасчет, развитие кооперации создают новые стимулы к труду. А в каждодневной жизни люди все чаще сталкиваются с

естественными спутниками усиливающейся инфляции: исчезают с прилавков товары, растут очереди и цены.

Пожалуй, самый тугой узел противоречий на этом фоне завязался вокруг кооперации. Принятый весной 1988 года закон, призванный регламентировать ее развитие, несмотря на все его очевидные сегодня недостатки, был, без сомнения, революционным для своего времени правовым актом, настоящим манифестом рыночной реформы. Но и самый лучший манифест не заменяет реальных рыночных механизмов. А худшие условия, чем те, которые сложились для их формирования в это время, трудно себе представить: слабеющий рубль, прогрессирующий переход от торговли к нормированному снабжению.

Ученые, публицисты с цифрами в руках показывали: экономические результаты работы кооперативов в 1988 году еще настолько мизерные, что не могли всерьез сказаться на потребительском рынке, их доля в реализации продукции лишь полтора процента, в денежных доходах населения – менее процента. И тем не менее, неопровержимый факт одновременного исчезновения товаров из государственной торговли и появления кооперативов сделал их в глазах миллионов бесспорными виновниками обострения дефицита. Простое в своей убедительной доступности объяснение: товары пропали потому, что их скупили кооператоры, – на весах массового сознания перевешивало даже неопровержимые аргументы.

Как это нередко случается, в общественном заблуждении есть доля истины.

Еще в начале тридцатых годов блестящий английский экономист Дж. Хикс показал роль традиции, исторически складывающихся стереотипов в оплате труда. Продемонстрировал он и то, что резкие изменения в относительном уровне доходов разных групп занятых неизбежно порождают инфляционные тенденции. Если им не противопоставить жесткую финансовую политику, формируется спираль: зарплата, цены-зарплата, которую нелегко разорвать.

В нашей стране вспышка инфляционных процессов в 1986-1987 годах целиком определялась просчетами в макроэкономической политике, темпы роста номинальных доходов населения оставались низкими. Появление кооперации, бурный рост получаемых здесь легальных доходов резко изменили отношение к уровню оплаты на государственных предприятиях. Проводимые обследования показывали быстрое снижение удовлетворенности получаемыми здесь доходами, растущий разрыв между фактическим заработком и приемлемой, "справедливой" оплатой.

Когда готовили массовый перевод предприятий на полный хозрасчет, не раз и не два на разных уровнях собирали директоров крупных заводов, советовались с ними. Если

отбросить личные черты, отраслевую специфику, общий тон таких выступлений, заданный объективными интересами трудовых коллективов, известен: дать свободу в реализации своей продукции, но жестко спросить с поставщиков, если задумают своевольничать, развязать руки в расходовании заработанной прибыли, но гарантировать при нужде финансовую помощь государства. Влияние такого подхода, желания сделать экономическую реформу "дамой, приятной во всех отношениях", на начавшиеся в 1988 году преобразования в системе хозяйствования было очевидным.

Отчисления от прибыли, оставляемые в распоряжении предприятий, стремительно пошли вверх. Средства фондов развития производства с 1985 по 1988 год выросли почти в 8 раз (с 16 до 129,9 млрд р.). Все было бы нормально, если бы параллельно, столь же быстро шел процесс свертывания ответственности государства за финансирование экономики. Ничуть не бывало. За те же годы расходы бюджета на народное хозяйство увеличиваются на 33,7 млрд рублей, в том числе направляемые на централизованные капиталовложения – на 10,7 млрд рублей.

Чудеса в экономике редкость. Одни и те же машины, сталь, цемент не могут одновременно купить центр за счет бюджета и хозрасчетные предприятия за счет собственных финансовых фондов. Обостряется дефицит производственных ресурсов, быстро (на 54,6 млрд р. за 1985-1988 гг.) увеличиваются остатки средств на счетах предприятий и организаций. Вместо того чтобы сформировать режим жесткой экономической ответственности, перевод на полный хозрасчет создал дополнительный поток необеспеченных денег.

Демонстрационный эффект высоких заработков кооператоров, стремление компенсировать неприемлемое отставание оплаты труда в государственном секторе от их уровня и шальные финансовые ресурсы, накапливающиеся у предприятий, сделали скачок заработной платы неизбежным. Поток номинальных доходов вышел из-под контроля.

ШАГ ВПЕРЕД, ДВА ШАГА НАЗАД

Чем слабее позиции центра, тем труднее ему противостоять требованиям дать еще, еще больше ресурсов. Особенно когда речь идет о запросах тех отраслей, которые могут опереться на широкую общественную поддержку.

Резко ухудшилось снабжение, не хватает товаров, прежде всего – продовольствия. Значит, надо сконцентрировать все силы в сельском хозяйстве, бросить сюда больше ресурсов, увеличить капиталовложения. Начиная с XIX партконференции, эта мысль звучит все громче. Это просто, убедительно, наглядно. Куда труднее объяснить, что безмерные, неэффективные капиталовложения в производственное строительство на селе,

создание железобетонных дворцов для малопродуктивного скота, рытье мелиоративных канав, поставка рекордного количества крашеного металлолома, гордо именуемого сельскохозяйственной техникой, и являются важнейшей причиной всеобщего товарного дефицита.

Предпринимавшиеся ранее попытки компенсировать потоком ресурсов крайне низкую эффективность хозяйствования успеха явно не приносили. В одиннадцатой пятилетке доля инвестиций в сельское хозяйство (по всему комплексу работ) достигла 27 процентов – уровня беспрецедентного для индустриальной страны. В 1971-1985 годах сюда вложили 590 миллиардов рублей, а создаваемый в отрасли национальный доход (в сопоставимых ценах) к середине восьмидесятых годов остался на уровне начала семидесятых.

К счастью, Генеральный секретарь ЦК КПСС практически знает наше сельское хозяйство, хорошо представляет себе его способность потратить без отдачи любой мыслимый объем производственных ресурсов. Летом, осенью 1988-го он несколько раз подряд обращается к анализу того, как бездарно были использованы направленные сюда капиталовложения, доказывает, что без коренной перестройки системы хозяйствования на селе, одними денежными вливаниями дело не поправишь.

В целом на этом этапе – ничья. Доля капиталовложений в агропромышленный комплекс остается высокой, но стабильной.

Раньше всего начинается отход на фронте борьбы с алкоголизмом. В утвержденном на 1988 год бюджете предполагалось, что доходы государства от реализации виноводочной продукции сократятся на 11,5 млрд р. На деле с лета они начинают быстро увеличиваться (рост за год на 4,1 млрд р.), а в 1989-м оставляют далеко позади рекорды конца застойного периода. Но сложившиеся финансовые диспропорции уже настолько серьезны, что надежды устранить их за счет этих средств напоминают попытки заткнуть винной пробкой пробину в борту океанского лайнера.

Постепенно мысль о том, что причины хозяйственных трудностей – в расстройстве денежного обращения, все же пробивает себе дорогу. Если утвержденный осенью 1988-го бюджет на следующий год еще по инерции продолжает курс на безудержное наращивание дефицита государственных ресурсов, то к концу 1988-го – началу 1989 года в экономической политике намечается поворот к финансовым приоритетам. Впервые всерьез заходит речь о сокращении централизованных государственных капиталовложений. Снижение бремени оборонных расходов начинает рассматриваться уже не только как долгосрочная, стратегическая задача, но и как жесткое требование

жизни. После тяжелой борьбы удастся выкроить хоть крохи дополнительной неконвертируемой валюты на увеличение закупок потребительских товаров.

Естественные, разумные антиинфляционные меры. К сожалению, нерешительные и запоздалые. Нет времени, воли, доверия общества, чтобы провести серьезную стабилизационную программу.

ПОПУЛИСТЫ СЧИТАЮТ БЮДЖЕТ БЕЗДОННЫМ

Представлявшиеся на утверждение Верховного Совета СССР проекты бюджета, доклады, призванные раскрыть содержание намечаемой финансовой политики, в первые годы перестройки по укоренившейся традиции еще составлялись так, чтобы сделать их абсолютно непригодными для содержательного экономического анализа. С конца 1988-го – начала 1989 года сведения о реальном финансовом положении государства, до этого доступные лишь предельно узкому кругу осведомленных, наконец, стали достоянием гласности. То, что еще в 1987 году туманно называли финансовыми диспропорциями, обрело весомость стомиллиардного бюджетного дефицита. Отношение солидной западной экономической прессы к этой новости хорошо выражал заголовок в журнале "Планэкон" – "Невообразимый финансовый бардак в Советском Союзе".

Всем, кто хоть сколько-нибудь осведомлен в экономике, стало ясно, что поправить положение можно лишь на основе серьезной стабилизационной программы, позволяющей ликвидировать или по меньшей мере резко сократить дефицит государственного бюджета, ограничить темпы роста денежной массы.

Можно и нужно спорить о выборе конкретных сроков реализации антиинфляционной программы, оптимальном сочетании используемых в ее рамках экономических инструментов. Но то, что успех в борьбе с инфляцией в первую голову определяется политической поддержкой и уже потом – профессионализмом привлекаемых специалистов, общеизвестно. Складывавшаяся в 1989 году ситуация оставляла мало надежд на то, что такую поддержку удастся обеспечить.

Острые социальные проблемы, глубокая неудовлетворенность уровнем, условиями жизни вышли на поверхность. Те группы, за счет которых долгие годы поддерживалось шаткое финансовое равновесие, через выборы депутатов получили рычаги давления на власть и не замедлили ими воспользоваться.

Еще в марте 1989 года, в последнем приступе традиционного фискализма, предпринимается попытка настричь копеечную экономию за счет переноса на более поздние сроки увеличения дородового отпуска, пособий на детей в малообеспеченных семьях, дотации на питание в детских дошкольных учреждениях и т.д. После весенних

выборов, первого Съезда народных депутатов такая линия становится невозможной. Технократический период в хозяйственной политике подходит к концу. На смену идет экономическая практика популизма.

Расходы бюджета на социально-культурные мероприятия стремительно возрастают. В утвержденном на 1990 год бюджете темпы их роста увеличиваются почти вдвое. А намечаемые на перспективу ассигнования уже просто теряют всякую связь с возможностями экономики.

Правительство представляет проект Закона о пенсионном обеспечении, предусматривающий увеличение расходов на эти цели примерно на 29 миллиардов рублей в год. Ясности в том, откуда возьмутся эти деньги, ни у кого нет – предусмотренное повышение отчислений на социальное страхование станет серьезным источником доходов, лишь если некомпенсированно повысит розничные цены, о чем говорить никто не хочет. Но и выделенных средств мало – решено довести планку до 41 миллиарда рублей.

Принятые решения, направленные на улучшение положения женщин, охрану материнства и детства, стоят 3,2 миллиарда рублей в год, на улучшение материально-бытовых условий учащейся молодежи – 1,7 миллиарда. Прорабатываемый Закон о занятости, кажется, обойдется бюджету тоже в 1,7 миллиарда рублей ежегодно, а вот Закон об общих началах государственной молодежной политики дороже – 4,2 миллиарда, 5,4 миллиарда рублей будет стоить бюджету Закон об отпусках, еще 5 миллиардов – улучшение материального положения семей со среднедушевым доходом до 70 р. в месяц.

В целом же принимаются, предлагаются, прорабатываются документы, предполагающие увеличение государственных ассигнований почти на 100 миллиардов рублей ежегодно. Это не считая единовременных расходов – таких, как 12-15 миллиардов рублей на компенсацию реабилитированным жертвам репрессий и членам их семей, 16 миллиардов – на Чернобыль.

Все важные, нужные, благородные цели. Отказать тем, кто отстаивает интересы каждой из социальных групп, почти невозможно. Но вот беда: за все это никто не собирается платить. Ведь параллельно принимаются законы, снижающие доходы от налогов и с населения, и с предприятий. Только новые нормы обложения прибыли, по первым прикидкам, обернутся сокращением доходов бюджета на 20-25 миллиардов рублей.

Четкая, даже жесткая грань, отделяющая экономически возможное от исключенного, для принимающих ответственные решения становится размытой, а то и

вовсе стирается. И вот уже отсутствующие средства начинают делить как реальные ресурсы.

В начале 1989 года бурная дискуссия развернулась вокруг затеянной гигантской нефтехимической стройки в Западной Сибири, стоимость которой, по официальным оценкам, должна была составить 41 миллиард рублей. Главным и неопровержимым аргументом специалистов, выступавших против проекта, было то, что у страны нет ни финансовых, ни валютных, ни материальных ресурсов, чтобы реализовать его в приемлемые сроки. Но на какие только цели за истекшие с тех пор полтора года не предлагали перебросить эти несуществующие в природе миллиарды!

Вместо того чтобы служить основой финансовой стабилизации, не слишком масштабные меры по сокращению неэффективных, избыточных затрат, мобилизации дополнительных доходов бюджета лишь поставляют обесценивающиеся рубли в бездонную бочку перераспределения.

Пожалуй, первую в нашей стране попытку решить непростые политические и экономические проблемы даровой раздачей денег предпринял в начале XVII века Борис Годунов. Успеха, как известно, она не принесла, напротив – резко усилила дороговизну и нехватку продуктов...

С середины 1989 года союзные органы управления все больше теряют свободу маневра. Области экономически необходимого и политически возможного расходятся, просто перестают пересекаться. Хорошо, что в кабинете у заместителя председателя Совета Министров на столе как руководство к действию – актуальная цитата В.И.Ленина: "Удастся нам на продолжительный срок, а впоследствии навсегда стабилизировать рубль – значит, мы выиграли". Жаль только, что она появилась там слишком поздно.

К концу лета обнаруживается готовность принять идею резкого сокращения централизованных капиталовложений. Но как реализовать ее, если уже политически немислимо сократить даже самые разорительные и неэффективные инвестиции в сельское хозяйство, которые в свою очередь технологически тянут за собой вложения в ресурсные отрасли, в цемент, сталь, топливо и т.д. Попытаться обрубить воспроизводственные связи – значит просто дополнять финансовые диспропорции - натурально-вещественными.

Центр готов выделить валюту для закупки товаров народного потребления. Их поставки в торговлю наконец идут вверх, сдерживая дальнейшее ухудшение рыночной ситуации. Но уже печем платить за то, что покупаем.

Делается попытка хоть как-то сдерживать рост денежных выплат, вводится налог на прирост заработной платы. Но мощное давление снизу пробивает в нем столько брешей, что этот рычаг моментально теряет какой-либо экономический смысл.

Когда ко второму Съезду народных депутатов попытались разработать политически безобидную, более или менее никого не задевающую программу, в расчеты пришлось заложить темпы роста эффективности использования ресурсов, производства товаров народного потребления, которые сделали ее больше похожей на фантастический роман, чем на экономический документ.

Затем на место безбрежному оптимизму программы оздоровления экономики приходит чуть авантюрная отвага первого, "шокового" варианта радикализации реформы, предусматривавшего полномасштабное размораживание цен, перевод подавленной инфляции в открытую, и затем, в более отдаленной перспективе, – финансовую стабилизацию. А еще через несколько недель ее сменяет угрюмая безнадежность следующего варианта, предусматривавшего двухсотмиллиардное административное повышение розничных цен. Но все это уже арьергардные бои. Инициатива, по крайней мере на время, переходит в руки союзных республик, местных органов власти.

ОТ РЕЦЕПТОВ – К ЛЕЧЕНИЮ

Если они используют ее, чтобы сойтись в решительной схватке с соседями, с центром за передел небогатого общего пирога, это станет шагом к дальнейшему углублению кризиса. Как показывает начавшаяся в последние дни борьба за контроль над банками, возможность такого развития событий, к сожалению, исключить нельзя. Между тем без согласия хотя бы по принципиальным аспектам экономической, и в первую очередь денежной, политики никакой поворот к лучшему невозможен. Объективные потребности взаимосвязанной союзной экономики сегодня, пожалуй, самый весомый фактор, работающий в пользу политических компромиссов.

К рулю экономической политики приходят люди, не обремененные грузом ответственности за прошлые ошибки. Но и не испытавшие на собственном горьком опыте всю сложность проблем народнохозяйственного уровня, где сходятся, переплетаются, противостоят друг другу интересы республик, отраслей, социальных групп.

В предвыборных программах и у тех, кого называют консерваторами, и у радикалов – сходный набор популярных экономических обещаний. Здесь решительная борьба с инфляцией мирно уживается с бурным ростом централизованных инвестиций в агропромышленный комплекс, радикальные преобразования в системе хозяйствования проводятся так, что от них никто не пострадает, рост социальной защищенности идет на фоне снижения налогов.

В жизни так не бывает. Экономическая политика – не детская сказка, где исполняются все желания. Чтобы добиться в ней успеха, мало желать добра народу. Надо

уметь точно определить приоритетные задачи, подчинить все имеющиеся ресурсы их решению.

Ругать правительство сейчас легко, безопасно и политически рентабельно. Но, сохраняя объективность, надо видеть и то, что основные повороты в экономической политике истекшего пятилетия диктовались самыми добрыми намерениями. Подъем отечественного машиностроения и борьба с алкоголизмом, техническое перевооружение сельского хозяйства и поворот к решению социальных проблем – важнейшие задачи, которые стране придется решать. Беда в том, что усилия по всем этим направлениям не опирались на трезвый экономический расчет, оценку реальных финансовых возможностей, что, лихо считая проглядывающие в туманной дали будущего огромные доходы, не хотели думать о том, за счет чего покроем сегодняшние вполне реальные расходы.

Финансовый кризис – не катастрофа, а лишь тяжелая болезнь денежной системы. Причем болезнь хорошо изученная и вполне излечимая. Отрасль экономической теории, занимающаяся ее исследованием, имеет репутацию скучноватой: усложненные, умозрительные конструкции, создававшиеся для борьбы с инфляцией, раз за разом демонстрировали свою нежизненность, а наиболее надежные, действенные рецепты, которые может предположить наука, очень близки элементарному здравому смыслу разумной домохозяйки, понимающей: чтобы ликвидировать кризис семейного бюджета, надо привести расходы в соответствие с доходами.

Глядя со стороны, специалист может сказать, что раньше или позже общество, уставшее от пустых прилавков, карточек и гонки цен, хаоса бартерной экономики, межобластных таможен, местных талонных денег, долларизации народного хозяйства и бессилия рубля, осознает необходимость остановить инфляцию. Тогда стабилизация и будет проведена на основе сочетания стандартных, хорошо известных экономических инструментов (сокращения дотаций, капиталовложений, оборонных, управленческих расходов, повышения налогов и ставок процента по кредитам, девальвации национальной валюты, временной иммобилизации сбережений и т.д.), приспособленных к отечественной специфике. И что до этого тормозить инфляционные процессы бессмысленно: пока овладевшая массами надежда решить острые социальные проблемы, печатая деньги, остается материальной силой, перераспределительный напор все равно не сдержат.

Но только трудно смотреть со стороны, когда речь идет о твоём государстве. Ведь опыт учит и тому, какой ценой нередко приходится платить за остановку набравших

собственную инерцию инфляционных процессов. Доподлинно известно, как легко они могут опрокинуть неокрепшие демократические институты.

Хочется верить, что лидеры нашей формирующейся демократии сумеют трезво оценить ситуацию, использовать свою власть, чтобы привести безмерно растущие ассигнования в соответствие со скромными доходами нашего государства, укрепить рубль, ускорить реформу. Экономических причин, мешающих встать на этот путь, немедленно начать осуществление стабилизационной программы, позволяющей за 1,5-2 года радикально изменить положение в народном хозяйстве, не существует. Все зависит от политической воли тех, кто обладает властью, и доверия к ним народа.